

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-2.7>

Постникова Екатерина Георгиевна, Моисеева Светлана Алексеевна

ЧТЕНИЕ НА ВОЙНЕ: РЕФЛЕКСИЯ, ТЕРАПИЯ, САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ДНЕВНИКОВ 1943-1945 ГГ. ПОДВОДНИКА СЕВЕРНОГО ФЛОТА Г. И. СЕННИКОВА)

Цель статьи - на основе впервые вводимых в научный оборот военных дневников 1943-1945 гг. матроса-подводника Северного флота Г. И. Сенникова установить круг чтения фронтовиков, проанализировать выписки из прочитанных книг, определить функции чтения на войне. Авторы пришли к выводу, что самая важная функция чтения на войне - терапевтическая. Параллельно с этим чтение на войне включало рефлексивную, идентификационную через литературное произведение, героев, ситуации (самоидентификацию, идентификацию по принципу "свой - чужой", самоидентификацию через концепт "поколение", идентификацию через чувство национального: я - часть народа), самосохранение (спасение "человека в себе" от разрушения, деградации личности, самоуничтожения).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/8-2/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 8(86). Ч. 2. С. 251-257. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

4. Савинич С. С. Особенности пуританских представлений о христианской добродетели в произведении М. Роуландсон «Повествование о похищении и возвращении из плена» // Традиции и инновации в лингвистике и литературоведении: межкафедральный сборник научных статей / отв. ред. О. Я. Федоренко. М.: МГОУ, 2018. С. 113-122.
5. Юнг Э., Франц М.-Л. фон. Легенда о Граале / пер. Я. Знаменской и др. М.: Клуб Касталия, 2016. 350 с.
6. Geyer F. Alienation, Sociology of // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences / ed. by P. Baltes and N. Smelser. L.: Elsevier, 2001. P. 388-392.
7. Heavilin B. A. The Existential Vacuum and Ethan Allen Hawley: John Steinbeck's Moral Philosophy // Steinbeck Review. 2004. Vol. 1. № 2. P. 7-20.
8. Kocela C. From Object Realism to Magic Materiality: the End(s) of Social Critique in Steinbeck's The Winter of Our Discontent // South Atlantic Review. 2008. Vol. 73. № 1. P. 68-86.
9. Kolenda B. Re-Discovering Ethan Allen and Thomas Young's Reason: The Only Oracle of Man: The Rise of Deism in Pre-Revolutionary America. Atlanta: Georgia State University, 2013. 62 p.
10. Lupack A., Lupack B. T. King Arthur in America. Cambridge – Rochester – N. Y.: D.S. Brewer, 1999. 398 p.
11. Simkins W. S. Myth as Talisman: Adaptive Teleology in The Winter of Our Discontent // Steinbeck Review. 2007. Vol. 5. № 2. P. 13-29.
12. Steinbeck J. The Winter of Our Discontent. L.: Penguin Books, Ltd., 2000. 288 p.

**INTERRELATION OF LIGHT AND DARKNESS
IN J. STEINBECK'S NOVEL "THE WINTER OF OUR DISCONTENT"**

Nefedova Ol'ga Igorevna
Moscow City University
olgonavt@gmail.com

The article reveals the interrelation of "darkness" and "light" images in the novel "The Winter of Our Discontent" by J. Steinbeck. Their opposition helps to show the characters' attitude to the reality and other people. These images are intertwined in the text with references to medieval legends about Holy Grail that is one of the allusive bases of the novel. The analysis shows that the main character is on his way between "light" (communication: traditional values, moral principles, double standards) and "darkness" (loneliness: the unconscious, individuality), only the balance of which can lead him to Holy Grail.

Key words and phrases: J. Steinbeck; light; darkness; the rational; the unconscious; alienation; Holy Grail.

УДК 82.02/09+82-6

Дата поступления рукописи: 21.05.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-2.7>

Цель статьи – на основе впервые вводимых в научный оборот военных дневников 1943-1945 гг. матроса-подводника Северного флота Г. И. Сенникова установить круг чтения фронтовиков, проанализировать выписки из прочитанных книг, определить функции чтения на войне. Авторы пришли к выводу, что самая важная функция чтения на войне – терапевтическая. Параллельно с этим чтение на войне включало рефлексию, идентификацию через литературное произведение, героев, ситуации (самоидентификацию, идентификацию по принципу «свой – чужой»), самоидентификацию через концепт «поколение», идентификацию через чувство национального: я – часть народа), самосохранение (спасение «человека в себе» от разрушения, деградации личности, самоуничтожения).

Ключевые слова и фразы: Г. И. Сенников; военный дневник; Великая Отечественная война; практики чтения; функции чтения; эго-документы; человек на войне.

Постникова Екатерина Георгиевна, д. филол. н., доцент

Моисеева Светлана Алексеевна, к. филол. н.

Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова
ekaterinapost@mail.ru; svetam1912@mail.ru

**ЧТЕНИЕ НА ВОЙНЕ: РЕФЛЕКСИЯ, ТЕРАПИЯ, САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ДНЕВНИКОВ 1943-1945 ГГ.
ПОДВОДНИКА СЕВЕРНОГО ФЛОТА Г. И. СЕННИКОВА)**

Чтение на войне, как и другие фронтовые культурные практики, выступало в роли универсального защитного механизма, необходимого человеку, находящемуся в стрессовой ситуации, для поддержания душевного равновесия и боеспособности. Во время войны читали много, что зафиксировано в эго-документах того времени. Интерес к чтению в экстремальных условиях войны объясняется в том числе и необходимостью актуализации ценностных и ментальных ориентиров, социальных мотивов (любовь к Родине, вера в Бога, справедливость, чувство долга, гордость за отечество, ненависть к врагу) для поднятия боевого духа воина, борьбы со страхом, выработки стрессоустойчивости.

Сотрудники лаборатории народной культуры МГТУ им. Г. И. Носова много лет работают над выявлением, атрибуцией, расшифровкой и публикацией документов личного происхождения Великой Отечественной войны [4; 10]. Нужно сказать, что фронтовые записи являются уникальным материалом для изучения антропологии Великой Отечественной войны, ее повседневности. Современные историки, исследователи фронтовых культурных и бытовых практик обращают внимание на то, что среди документов личного происхождения дневники участников ВОВ являются очень редким источником: их было трудно сохранить, и часто они подвергались уничтожению как не входящие в список «необходимого и достаточного» [3, с. 7].

В нашей работе материалом для анализа послужили военные дневники подводника Сенникова Георгия Ивановича. Георгий Иванович относится к тому легендарному поколению, которое отправилось на фронт со школьной скамьи, сменив школьную форму на военную. Двадцатого июня отпраздновали выпускной, а через два дня началась война. В 1941 году он учился в школе подводного плавания во Владивостоке (Тихоокеанский флот). Получил специальность штурманского электрика. Затем его отправили на фронт. Воевал Георгий Иванович на подводной лодке класса «малютка» «М-119». В самые страшные годы, 1942-1943, Георгий Иванович воевал на Баренцевом море (Северный флот). В мае 1944 г. их экипаж перевели в Крым (Черноморский флот). Демобилизовался в 1946 г.

На флоте за Сенниковым закрепилось прозвище «студент»: на фронте он много читал, писал, рисовал, не расставался с фотоаппаратом. Командир, капитан первого ранга Константин Колосов, вспоминая об этом, во вступительной статье к повести «Выстрел в бухте», опубликованной в 1969 г. по материалам дневников Георгия Ивановича, написал: «И правда, вида военного у Сенникова не было. <...> Команда окрестила его “Студентом”, стараясь подчеркнуть этим, что он не военный. Но в первом же походе наш “Студент” показал себя очень хорошо. Несмотря на невоенную, мальчишескую внешность, оказался настоящим моряком, смелым бойцом, и сразу же общее мнение команды стало: “Наш, в решительный момент не подведет”. А кличка “Студент” все-таки за ним осталась» [5]. Семья Сенниковых хранит три тетради военных дневников Георгия Ивановича, электронные копии которых находятся в архиве лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного технического университета. Дневники эти очень искренние, простые, личностные, пронизанные светлым юмором, несут отпечаток неповторимо жизнелюбивой натуры их автора.

Подводники, как и морская пехота, были элитой военно-морского флота. В походе им было запрещено вести какие бы то ни было личные записи (лодку могли заманить в ловушку и захватить), но зато после благополучного возвращения была возможность читать, писать, рисовать, фотографировать на базе подводных лодок в Полярном. Был свой кубрик, свое койко-место, тумбочка. Это давало возможность заниматься самообразованием и творчеством, создавать «свое» пространство, «свой» мир и в нем спастись от ужаса войны. В отличие от пехотинцев, которые все «таскали» на себе, подводники свои личные вещи оставляли на базе. Этим и объясняется хорошая сохранность документальных свидетельств войны на Севере. Именно в таких условиях вел дневники штурманский электрик «М-119» Сенников Георгий Иванович, записи которого в нашем исследовании мы вводим в научный оборот.

Следует заметить, что изучаемые материалы маркируют, прежде всего, повышенную ценностную вовлеченность автора дневника в чтение художественных текстов. Девятнадцатилетний фронтовик в записях фиксирует свои читательские впечатления, представляющие личное измерение прочитанного. На страницах дневника присутствуют и анализ, и рефлексия, и цитирование. Сенников читает и для себя, и для сослуживцев, наблюдает за реакцией слушающих его чтение, вызывает на диалог по поводу прочитанного.

Поэтому мы сосредоточимся на следующих вопросах: чем обусловлена потребность чтения на фронте; какие книги были востребованы, отвечали внутренним запросам человека, оказавшегося в экстремальных условиях войны; какие фрагменты в прочитанном вызвали отклик, на что отзывались фронтовики? Иными словами, что читали подводники на фронте, на что обращали внимание в прочитанном, по какому принципу делали выписки и, главное, зачем читали (функции чтения)?

Обозначим круг чтения подводников Северного флота. Фронтовые дневники Г. И. Сенникова свидетельствуют, что читали военные моряки, конечно, то, что можно было достать в Полярном и Мурманске в библиотеке или у местных жителей.

В 1943-1944 гг. (Баренцево море, Мурманск, Полярное) Георгием Ивановичем прочитаны следующие книги: М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин (много цитирует по памяти), Ф. М. Достоевский (произведение не указано, упоминается только томик), Л. Н. Толстой «Юность». Из советской литературы: А. С. Макаренко «Педагогическая поэма» (1925-1935), А. С. Новиков-Прибой «Судьба», «Море зовет», «Подводники» (1926), В. Каверин «Два капитана» (1940 – первый том), К. Федин «Похищение Европы» (1933), К. Г. Паустовский, А. С. Грин, стихи К. Симонова, стихи А. Ойслендера, поэта и военного корреспондента, опубликованные в газете «Краснофлотец» (1943 г.). Из зарубежной литературы: У. Шекспир, Ч. Диккенс «Дэвид Копперфильд», Р. Киплинг «Мэри Глостер», Дж. Конрад.

В 1944-1946 гг. (Крым) в дневнике упоминаются: М. Ю. Лермонтов, А. И. Гончаров «Обрыв», Д. И. Писарев «Реалисты» и др. статьи, А. И. Куприн «Гранатовый браслет», «Яма», М. Горький «Мещане», «На дне», «Дети солнца», «Дачники». Из советской литературы: Г. П. Павлов, Л. С. Соболев, А. С. Новиков-Прибой «Женщина в море» (1926 г.). Из зарубежной литературы: Дж. Свифт, Гете, Гейне, Д. Дидро, Дж. Байрон «Чайльд Гарольд», Р. Киплинг «Моя жизнь» («Заповедь»), Пиранделло «Каждый по-своему», С. Цвейг «Пробуждение».

Анализ выписок из литературных произведений дает право утверждать, что в круг чтения фронтовиков-подводников в обязательном порядке входила русская классика XIX в. (ее легче было достать по причине больших тиражей). Большой популярностью пользовались советские авторы, писавшие о море: А. Грин, А. С. Новиков-Прибой, Г. П. Павлов, Л. С. Соболев. Моряки Северного флота хорошо были знакомы с военной поэзией А. Ойслендера, публиковавшегося в «Краснофлотце», и К. Симонова, обожаемого всеми. Из зарубежной литературы особым уважением пользовались стихи Р. Киплинга.

Выписки из прочитанных произведений и их комментариев открывают мир эмоций и чувств юного фронтовика, позволяют определить темы, мотивы, привлекающие, задевающие, включающие рефлексии. Доминантная тема для солдат, участвующих в боевых действиях, – страх смерти. «Жаль умирать молодым» – один из постоянных мотивов. Например, из «Мцыри» М. Ю. Лермонтова выписаны следующие строфы: «Меня могила не страшит... // Но с жизнью жаль расстаться мне! // Я молод, молод – знал ли ты, // Что значит молодость, мечты? <...> // Тебе есть в мире, что забыть, // Ты жил – я также мог бы жить...». Далее следует комментарий 19-летнего Сенникова: «И я хотел бы» (запись датируется августом 1943 г.) [7, с. 9].

Между тем в том же августе 1943 г. делается выписка из «Педагогической поэмы» А. С. Макаренко: «Человек не может жить на свете, если у него нет впереди ничего радостного. Истинным стимулом человеческой жизни является завтрашняя радость» (август 1943) [Там же, с. 4]. Запись отражает философскую тему смысла жизни. Автор дневника пытается обозначить для себя стимулы жить. Одним из таких стимулов является любовь.

Тема любви для молодого человека являлась актуальной. Например, из «Монго» М. Ю. Лермонтова выписано: «Но хуже, хуже во сто раз // Встречать огонь прелестных глаз // И думать – это не для нас». Ниже следует комментарий подводника: «Не думать, а знать!» (август 1943) [Там же, с. 10].

Для подводника значима тема моря. В августе 1943 г. сделана выписка из А. С. Новикова-Прибоя «Море зовет»: «Я не выношу дряхлых человеческих душ. Схватка с бурей в открытом море может исправить кого угодно лучше всяких санаториев» [Там же, с. 8].

Тем не менее следующие записи дневника этого же периода говорят о тоске фронтовика по малой Родине, по природе Средней полосы. «Оленья губа. <...> Наверху – дикое нагромождение скал и уходящая вдаль синева бухты. Как разнообразие – кошачьи морды тюленей да временами маленький хвост нарвала над гладью залива. Мы высадились со шлюпки на необитаемый остров Большой олений. Но и там, в основном, природу изображала россыпь осколков зенитных снарядов да воронки авиабомб. “Иные нужны мне картины: // Люблю песчаный косогор, // Перед избушкой две рябины, // Калитку, сломанный забор, // На небе серенькие тучи // Перед гумном соломы кучи...”». Ниже идет комментарий Сенникова: «Это же райская картина!». Запись сопровождается рисунком: русская изба, деревья [Там же, с. 16]. Очевидно, Георгий Иванович по памяти цитирует «Отрывки из путешествия Онегина» А. С. Пушкина.

Анализ фронтовых письменных практик Г. И. Сенникова показывает, что самая болезненная тема выписок из произведений – это страх смерти, страх умереть молодым. Перед нами сильнейшее травматическое переживание. В свою очередь, чтение и рассуждения о любви, о смысле жизни, об исцеляющей силе моря и «отеческого» пейзажа можно обозначить как технологию освоения и вытеснения этих переживаний. Таким образом, основная функция чтения на войне – терапевтическая.

Эго-документы ВОВ показывают, что чтение на войне помогало снять психологическое напряжение, давало эмоциональную разрядку, способствовало «переключению» сознания.

Конечно, на войне страшно. Мы уже отмечали, что тема ужаса и страха – постоянная тема. Вот типичная запись 1943 г.: «Не вернулись! Страшные слова, которые так часто звучат сейчас. Два маленьких слова, а за ними – кровь и слезы. Ты думаешь – это нытье? Нет! Мучительно больно видеть, как эти красивые здоровые парни, веселые и жизнерадостные, уходят каждый день. Уходят, и вместо них остаются два слова: “Не вернулись”» [Там же, с. 5].

Как избавиться от страха? Далее в дневнике появляется запись: «Человек! О, человек! Сверкающее море, шумная гавань большого портового города. Теплые доски маленького парусника. На НЕМ холщевая роба и майка. Больше ничего. Он лежит на палубе, лениво свесив ногу к зеленой воде, курит и смотрит в бездонную пропасть неба. Он даже не думает. Он наслаждается. Густой запах смолы и пеньки наполняет воздух. Изредка с моря потянет легкий ветерок и на миг пахнет чем-то непонятно прекрасным, волнующим кровь. <...> Изумительная, непретворимая в жизнь гармония красок. *Грезы!* Издалека доносится могучий рокот большого озера. Он заглушает собой ритмичный плеск прибоя в прибрежных камнях. И, черт возьми, как все глупо. *Такие картины бывают только у Грина*» [Там же, с. 7]. Георгий Иванович много читал А. Грина на войне. Такое чтение на войне – психотерапия: терапия литературой, писательством. Грезы в духе Грина лечат душевные раны, позволяют изжить страх, психоз, депрессию.

В дневнике 1943 г. непосредственно за приведенным выше отрывком в духе «грез» Грина идет следующая цитата из Новикова-Прибоя: «Как-то сразу напоззли тучи, замохнатились. Все небо почернело, как будто бог целую реку чернил разлил. Налетел ураган, прошелся раз, другой и, точно пьяный бродяга, давай шуметь и рвать все на свете. Океан сначала только хмурился, да кривлялся, а потом вздулся и зарычал на все лады. Ух, мать честная!» [Там же]. Ниже читаем комментарий Сенникова: «Вот это картина! Это же черт знает что! И куда ты годишься со своими розовыми облаками и голубым морем?» [Там же, с. 8].

Книга здесь – творческая мастерская для начинающих писателей, которые от автора-профессионала получают мастер-класс. Читая, человек учится писать, выражать через слово то, что видел, что на душе. Перед

нами яркий пример творческой функции чтения. Мы видим, как «Студент», внимательно изучая «чужие» тексты, развивает свое языковое чутье, чувство слога, слова, создает свой собственный «слог», подходящий к ситуации и душевному состоянию. Поэтому чтение для Георгия Ивановича являлось еще и школой писательского мастерства.

Исследователи отмечают любопытный феномен повседневной жизни участников ВОВ – самореализацию фронтовиков в литературном творчестве. Писать пытались все, массово. Газеты были завалены литературными опытами бойцов. «Это творчество имело значение прежде всего для личного роста, а также выполняло функцию дополнительной патриотической мобилизации», – утверждает И. Г. Тажидинова [6, с. 143].

Георгий Иванович прислушивается к мнению боевых командиров, рассуждающих о правдоподобии описания войны современными писателями. Это мнение ему важно не только как читателю, но и как писателю. В дневнике находим следующую запись: «По свидетельству Каверина, Фисанович говорил ему, описывая торпедирование миноносца: “Ради бога, никакой романтики, ни одной высокой мысли, точнее только одна “Сейчас мы его хлопнем”. Он же передает отзыв Фисановича об одном нашем “морском” писателе (Соболеве?): “Без сомнения, это талантливый писатель, но недостаток его заключается в том, что он описывает войну как праздник, как парад, в то время как война – это тяжелое дело, требующее пота и крови”. Вот! А комиссар бригады вернул мне рассказ как раз за то, что в нем было слишком много крови и пота и мало “высоких” мыслей. Где же правда? Ведь не в бесконечном же – Ура! – заключается война! Ну и черт с ним!» [7, с. 33].

Очевидно, что человек на войне читает, в том числе для того, чтобы научиться писать, а пишет, чтобы создать «свой мир», «для себя» – это спасает от ужаса войны и страха смерти.

Терапевтическая функция чтения, писательства, ведения дневника на фронте особенно четко прослеживается в такой записи: «С борта рефрижератора иногда свешивается черная, как сапог, морда какого-то дегтины и подолгу пялит на нас глаза... Нет, опять не то! Не то! А впрочем – какого черта! Что я роман – пишу? Это для себя, это мой мир, а в нем я всегда разберусь» [Там же, с. 81].

Особо значимы записи, носящие рефлексивный характер. В дневниках молодого подводника мы наблюдаем попытку через книгу и чужое авторитетное (авторское) слово осмыслить, что есть жизнь/смерть, человек, война; стремление в «чужом» найти ответы на волнующие, «свои» вопросы. Л. Д. Демина, И. А. Ральникова поясняют рефлексию так: «Рефлексия – это свойство психики отражать свои собственные состояния, отношения, переживания, управлять личностными ценностями» [2].

Обратимся к дневнику Сенникова. Запись от августа 1943 г. представляет собой цитату из К. Клаузевица: «Маленький прыжок легче сделать, чем большой. Однако, желая перепрыгнуть широкую канаву, мы не начнем с того, что половинным прыжком прыгнем на ее дно». Следует комментарий Георгия Ивановича: «Двигаться вперед, не делая половинных прыжков! <...> Не заботься о мнении людей, которых презираешь... Если быть, то быть лучшим» [7, с. 12].

Из этой записи следует, что, несмотря на страх смерти, моряки думали о будущем, пытались проанализировать свои переживания, осмыслить свое место в мире и выбрать правильную тактику поведения и общения с людьми на всю оставшуюся жизнь.

Дневниковые записи Г. И. Сенникова отражают и тему идентификации/самоидентификации, в том числе идентификации с литературными героями. Читая, человек идентифицируется с героем литературного произведения, выделяет его личностные черты, особенности поведенческих реакций, особенности отношения, общения. Все это анализируется. Затем идет перенос этих характеристик на себя. В результате более глубоко понимаются как личностные особенности другого, так и собственные черты и свойства личности.

Георгий Иванович с детства любил книгу Марка Твена «Приключения Тома Сойера». Есть все основания утверждать, что юный подводник идентифицировал себя с героем Твена. Особенно это очевидно в следующей записи: «А интересно, паршиво это или нет иметь до сих пор душу *Тома Сойера*? Мне хочется знать все, хочется везде побывать, все увидеть, на все я смотрю как-то шутя, несерьезно, и то, что я узнаю досконально, теряет вскоре для меня всякий интерес. Наверное, плохо... Ведь мне уже двадцать лет!» [Там же, с. 81].

Сенников делает выписки из «Юности» Л. Толстого. Особенно подробно выписываются рассуждения автора о четырех чувствах, которые были основой мечтаний, «пределом отрочества и началом юности» [Там же, с. 27]. Из текста Толстого юным подводником выписаны и особенно подчеркнуты моменты, которые перекликаются с его собственным самоощущением, его мыслями. Это, конечно, самоидентификация, рефлексия, попытка понять себя. Характерно, что в дневнике можно найти записи, так или иначе перекликающиеся с каждой из подчеркнутых им фраз Толстого. Через полгода мы находим в дневнике подводника такие размышления:

«Итак, на повестке дня – я. Кто я такой – мне известно. (А известно ли?) Может быть, другие люди понимают нас лучше, чем мы сами?»

Два вопроса последние годы особенно сильно волновали меня. Именно волновали, что если бы они не были решены, о них не стоило бы писать.

1 – Мое отношение к войне.

2 – Мое отношение к женскому полу.

Первый вопрос поставлен неверно. Проще этот вопрос было бы поставить так: трус я или нет, слякоть или человек? (*Клоп или Наполеон – почти по Раскольникову*)» [Там же, с. 155].

Первое, что бросается в глаза, это явная перекличка записи с «Юностью» Толстого, ибо в ней поставлены те же вопросы. Кроме того, ситуация сомнения в себе, своих силах и самоидентификации опять идет через литературный текст («Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского). Далее, отвечая на поставленный

вопрос: «Трус ли я?», – Георгий Иванович опять воспользовался литературными образами: «В шестом классе школы мне случилось пробыть три дня одному в тайге. Я заблудился. У меня не было пищи, а в ружье – только дробовые заряды. Плюс ко всему это мое приключение запомнилось встречей с огромной медведицей. Я с честью вышел из положения. И тогда я гордо решил, что смело могу тягаться с *героями Джека Лондона*» [Там же, с. 156].

Как отмечают исследователи, анализ военных практик чтения показывает, что «случаи, когда фронтовики “примеряли” на себя одежды литературных героев, сравнивали себя с ними, старались отождествлять личные качества с желаемыми качествами литературных персонажей, не так уж редки» [6, с. 143].

В военных дневниках Г. И. Сенникова представлено несколько вариантов самоидентификации через чтение. Один из них – самоидентификация по принципу «свой/чужой». Человек с книгой, человек читающий – этот человек свой. Например, в дневнике за 1943 г. находим такую запись: «30 марта. Открытое море. Пятые сутки мы на позиции. Большую часть этого времени проводим под водой. <...> Мы со штурманом фотографируем через перископ норвежское побережье, редкие рыбацьи шаланды. <...> Он славный паренек, этот штурман. <...> Потом в отсеке он читает наизусть *стихи Симонова из пресловутого сборника “С тобой и без тебя”*. А над ним потешается механик, старый морской бродяга, пройдоха и пьяница, для которого всякие любовные вздохи давно отошли в область преданий. Женщина! Она присутствует даже здесь, на глубине океана» [7, с. 127]. Здесь важна оппозиция свой – чужой. Штурман стихи Симонова читает (несмотря на то, что над ним потешаются за это «морские волки») – значит, свой.

Человек с книгой на войне для «студента» Сенникова, безусловно, свой. Книга является маркером, идентификационным знаком. В дневнике есть история «Катя Романенко – королева Росты». Георгий Иванович рассказывает, как познакомился с интересной девушкой, которая произвела на него сильное впечатление: «Интересная девушка. Пепельные косы. Держится скромно, но с достоинством. Меня познакомил с ней К. Признаться, она произвела на меня сильное впечатление. И это впечатление еще более усилилось, когда я увидел в ее комнате массу книг. Я даже возрадовался в душе: наконец-то я встретил хоть одну настоящую девушку, отличающуюся от всех этих портовых... Я взял у нее томик Достоевского» [Там же, с. 23]. Отметим, что, согласно дневниковой записи, на чтение томика Достоевского ушла неделя.

Еще один вариант самоидентификации – самоидентификация через концепт «поколение». Книги помогают дать оценку «своему» поколению. Например, в дневнике за 1943 г. есть выписка из «Педагогической поэмы» Макаренко: «Самое важное, что мы привыкли ценить в человеке, – это сила и красота. И то, и другое определяется в человеке исключительно по типу его отношений к перспективе. <...> *Чем шире коллектив, перспективы которого являются для человека перспективами личными, тем человек красивее и выше*» [Там же, с. 4].

Комментарий 19-летнего подводника Г. И. Сенникова: «Вероятно, с этой точки зрения, *все мы должны выглядеть дьявольски красивыми. Может ли быть шире коллектив и благороднее цель!*» [Там же]. Прочитанный отрывок из «Педагогической поэмы» вызывает поток сознания, позволяющий дать не только самооценку, но и оценку «своему поколению» через концепт «будущее». Мы сейчас можем согласиться, что Георгий Иванович не ошибся в оценке своего поколения. Ведь они действительно красавцы, и мы к ним сейчас так и относимся. Отметим здесь, что, как показывают современные исследования концептосферы военной прозы, самосознание человека на войне, не важно, это Первая мировая, или Великая Отечественная, или чеченская, всегда предполагает подключение философских концептов «жизнь», «смерть», «время», «прошлое», «будущее», «настоящее», и в этом смысле исследуемый нами эго-документ, как видим, не исключение [1, с. 6].

Еще один вариант самоидентификации – идентификация через чувство национального: я – часть народа. В дневнике 1944 г. читаем: «Как вдруг дорого, близко и понятно стало в годы войны все *свое, русское*, с Ильей Муромцем, Господином Великим Новгородом, с *Пушкиным, Гоголем, Толстым и Горьким*, с Волгой, “Волжскими лесами” Печерского и Сибирской тайгой» [7, с. 207].

Анализ фронтовых культурных практик показывает, что русская литература давала фронтовикам возможность почувствовать себя частью нации. Русское – это и богатырь, и лес, и Великий Новгород, и русская литература. Литература – знак (маркер) национального, народного. Чтение русской литературы в годы войны/кризиса сближает, роднит.

Заметим, что чтение для Сенникова являлось средством самосохранения. Спасение «человека в себе» от разрушения, деградации личности, самоуничтожения – это важнейшая функция чтения на войне. Дневниковые записи Г. И. Сенникова дают нам четкое представление об этой функции чтения на фронте: «Мне кажется, можно находить удовольствие не только в этих самых “непосредственных ощущениях”, а также хотя бы в том, что *стараться сохранить себя от них для чего-то более чистого и высокого*. Неважно, что это только может быть в будущем и даже вообще не быть. Вспомнились мне *Симоновские стихи*, как раз подходящие к этому случаю. Ты их, конечно, читала. Помнишь: “На час запомнив имена”. Они мне тогда так понравились, что я их, как красная девица, переписал и выучил наизусть. А потом козырял в переписке с друзьями» [Там же, с. 32].

Еще один пример из крымского дневника 1944-45 гг.: «Декабрь 1944. На палубе – дождь, ветер, хмурое небо. В кубрике – клубы табачного дыма, похабные анекдоты и сквернословие. На лодке – бесконечная драйка. Ни уму, ни сердцу, ни душе... Даже писать не хочется...» [8, с. 49]. А буквально через пару страниц контрастная запись. «Батуми. У грохочущего дизеля неподвижно сидит Измаил и глотает книги. Одну за одной. *Я читаю ребятам вслух “Алые паруса” Грина*. После этого все до вечера ходят, нежно улыбаясь, и водят по обшивке мечтательными глазами» [Там же, с. 68].

Те же матросы, которые только что рассказывали похабные анекдоты и сквернословили, меняются, становятся романтиками под влиянием чтения вслух произведений А. Грина. Анализ военных практик чтения показывает, что чтение на фронте делало человека человеком, сохраняло душу, напоминало о вечных ценностях.

Отметим, что особое место в сознании военного поколения занимал А. С. Пушкин. Фронтовики очень много цитировали по памяти «Евгения Онегина». Интересную форму фронтовой словесности зафиксировал Г. И. Сенников в своих дневниках: это многочисленные переделки строф из пушкинского романа в стихах, рассказы фронтового поколения о себе «в духе Онегина» и онегинской строфой.

Вот, например, студентка медицинского института из Симферополя рассказывает о студенческой жизни после освобождения Крыма:

«Зима! Студент, не торжествуя,
В ботинках обновляет путь,
И голой пяткой снег почуя,
Несется прытью в институт.
Бразды пушистые взрывая,
Летит быстрее он трамвая.
А на пальто его давно
В Европу светится окно!» [9, с. 95].

Или, например, друг Валька, матрос, с которым Сенников знакомится в Крыму в 1945 г., сочинил целый роман в стихах: «У него есть даже роман в стихах (!). Нечто вроде поэтического дневника. *A la* “Евгений Онегин”. Только герой – сам Валька, а он – никак не Онегин. В общем, это, конечно, ерунда (как всякий другой дневник, в частности, мой). Но места есть изумительные. И, конечно, главный герой – она. У кого ее нет в двадцать лет. И у кого она в эти годы не идеал?

Как всем, мне иногда не спится,
Порой хочу я очень спать.
А в полночь не хочу ложиться,
А утром не могу вставать.
Лентяй, конечно, я изрядный
И пьяница незаурядный
(Служу на флоте: дизелист!).
Пороков тьма: курю и в вист
Играть недавно научился.
В кармане – пусто. В голове
Примерно тоже! По Неве
Люблю гулять, где и влюбился
Вдобавок ко всему на днях
В такую девочку, что – ах...
и т.д.» [Там же, с. 113].

Очень много Георгий Иванович и его боевые товарищи цитировали М. Ю. Лермонтова. В дневнике сохранились не только выписки из произведений («Мцыри», «Демон», «Монго» и др.), но спонтанное цитирование по памяти, например, читаем:

«Месяц встает,
И тих и покоен,
А юноша-воин
На битву идет...

Откуда появляются в голове эти известные строчки Лермонтова? Я их не вызывал. Они пришли сами и радуют меня своей убедительной простотой. Погибать? Ну что же... Разве мало их, молодых, жизнерадостных, отдали свои жизни в расцвете сил и здоровья! Я хочу одного, отдать эту жизнь не зря. И я почему-то уверен, что мы победим.

Ружье заряжает джигит,
И дева ему говорит:
Мой милый, смелее
Верьйся ты року...

Мне моя дева ничего не сказала. А сейчас, как никогда, я особенно нуждался в этих словах» (запись от 15 марта 1944 г.) [7, с. 101].

Это яркий пример переживания болезненной ситуации через идентификацию с литературными героями и сюжетами. Здесь же мы наблюдаем и рефлекссию как процесс удвоенного, зеркального взаимоотражения авторского сознания и самоощущения читателя.

Еще такая запись: «За моей спиной, в рубке, лениво насвистывал рулевой. За ними, в кубрике, богохульствовал пьяный Гришка и бормотал стихи Лермонтова “Анчар”. От его-то “Демона” я и сбежал» (запись от 12 февраля 1944 г.) [Там же, с. 55].

Примечательно, что Пушкин для фронтовиков был в какой-то степени образцом для подражания, в поэзии точно (Пушкин – «наше все»). Александр Сергеевич – это то светлое жизнеутверждающее начало, на которое можно было ориентироваться, сражаясь за жизнь и преодолевая страх смерти. Лермонтова же любили за его контрасты, романтику, чувствовали в нем бойца, уважали его за причастность к комбатантам. Михаила Юрьевича фронтовики-подводники воспринимали как своего, молодого, недолюбившего, страстного и готового к смерти.

Итак, как показал анализ дневниковых записей Г. И. Сенникова, на войне, когда была возможность, в перерыве между боевыми походами читали. Особенно часто цитировали Лермонтова (наизусть). «Евгений Онегин» – любимый образец для подражания. Ключевые темы для рефлексии над литературными произведениями: страх смерти, любовь, смысл жизни, море (для моряков), тоска по малой Родине. Удалось определить функции чтения на войне: терапия, рефлексия, идентификация через литературное произведение, героев, ситуации (самоидентификация, идентификация по принципу «свой – чужой», самоидентификация через концепт «поколение», идентификация через чувство национального, я – часть народа), самосохранение (спасение «человека в себе» от разрушения, деградации личности, самоуничтожения). И самое важное: чтение на войне помогало выжить и остаться человеком.

Список источников

1. Волкова В. Б. Концептосфера современной военной прозы: автореф. дисс. ... д. филол. н. Екатеринбург, 2014. 43 с.
2. Демина Л. Д., Ральникова И. А. Психическое здоровье и защитные механизмы личности [Электронный ресурс]: учебное пособие. URL: http://nashaucheba.ru/v29515/демина_л.д.,_ральникова_и.а. (дата обращения: 20.04.2018).
3. Моисеева И. Ю. Социально-психологический портрет фронтовика Великой Отечественной войны (на материале Коми АССР): автореф. дисс. ... к.и.н. Сыктывкар, 2006. 17 с.
4. О войне из войны: народная письменность 1941-1945 гг. / сост. С. А. Моисеева, Т. И. Рожкова, И. В. Лосева, Е. Б. Дерябина. Магнитогорск: МГТУ им. Г. И. Носова, 2015. 336 с.
5. Сенников Г. И. Выстрел в бухте [Электронный ресурс]. URL: <http://submarine-at-war.ru/events/440208m119.html> (дата обращения: 01.05.2018).
6. Тажиудинова И. Г. Повседневные практики чтения в условиях Великой Отечественной войны (на материале фронтовых писем) // Наука и школа. 2010. № 2. С. 142-145.
7. Фронтовые записи Сенникова Г. И. // Архив лаборатории народной культуры. Рукописный фонд № 42. Тетрадь 1. С. 1-217.
8. Фронтовые записи Сенникова Г. И. // Архив лаборатории народной культуры. Рукописный фонд № 42. Тетрадь 2. С. 1-158.
9. Фронтовые записи Сенникова Г. И. // Архив лаборатории народной культуры. Рукописный фонд № 42. Тетрадь 3. С. 1-160.
10. «...Я умру, когда природа будет воскресать»: дневниковые записи 1940-1943 гг. / сост. Т. И. Рожкова, С. А. Моисеева, И. А. Филиппова. Магнитогорск: МаГУ, 2010. 124 с.

READING IN THE WAR: CONSIDERATION, THERAPY, SELF-IDENTIFICATION (BY THE MATERIAL OF 1943-1945 DIARIES OF THE NORTHERN FLEET SUBMARINER G. I. SENNIKOV)

Postnikova Ekaterina Georgievna, Doctor in Philology, Associate Professor
Moiseeva Svetlana Alekseevna, Ph. D. in Philology
Nosov Magnitogorsk State Technical University
ekaterinapost@mail.ru; svetam1912@mail.ru

In the article, on the basis of the military diaries of 1943-1945 of the sailor-submariner of the Northern Fleet G. I. Sennikov, which have been introduced into scientific use for the first time, the circle of reading of front-line soldiers is ascertained, extracts from the books read are analyzed, and the functions of reading in the war are identified. The authors come to the conclusion that the most important function of reading in the war is therapeutic. In parallel, reading in the war included consideration, identification through the literary work, heroes, situations (self-identification, identification by the principle of one's own – somebody else's, self-identification through the concept "generation", identification through the sense of the national: I am a part of the nation), and self-preservation (salvation of the "man in oneself" from destruction, degradation of personality, self-destruction).

Key words and phrases: G. I. Sennikov; military diary; The Great Patriotic War; practices of reading; functions of reading; ego-documents; man in the war.